

Протоиерей Николай Соколов: О свободе духа, пользе Олимпийских игр и современных мучениках

[Дудченко Андрей, свящ.](#)

Протоиерей Николай Соколов - человек непростой судьбы. Родился и воспитан в кругу продолжателей традиции отца Алексия Мечева, с детства встречал многих замечательных деятелей советского христианского подполья, посещавших его деда Николая Евграфовича Пестова. Сегодня отец Николай - настоятель храма во имя святителя Николая в Толмачах при Государственной Третьяковской Галерее и духовник олимпийской сборной России.

Христианство в советских катакомбах

- Отец Николай, у вашего рода очень богатая история. Ваш дедушка, Николай Евграфович Пестов, - автор замечательных духовных сочинений. История вашей семьи описана в книге матушки Наталии Соколовой "Под кровом Всевышнего"...

- Моя матушка Наталия Николаевна написала книгу после смерти моего отца протоиерея Владимира Соколова, который прослужил на одном приходе в Москве почти 45 лет.

- **Вы помните своего дедушку? Оказал ли он влияние на формирование вашего мировоззрения, жизненных ориентиров?**

- По линии отца все мои предки, включая отца, дедушку, прадедушку, прапрадедушку, - это лица духовного звания. Такова традиция, которая корнями уходит в начало XVIII века. Из них я помню только отца и по фотографиям дедушку. Дедушка был репрессирован, расстрелян в 30-е годы, поэтому я только немного знаю его.

Что касается дедушки Николая Евграфовича Пестова, деда по линии матери, то это человек, который фактически меня воспитал. Этот христианин, а я его именно так и называл, потому что он для многих и сегодня является образцом христианина в нашем непростом, суетном, мирском бытии, явил в своей жизни удивительное совмещение и удачное воплощение пути христианина в миру. Ведь он соблюдал те морально-этические правила богоугодной жизни, которые соблюдают как монашествующие, так и просто люди, живущие благочестивой христианской жизнью.

Его стезя пролегла через очень бурную эпоху. Родился он еще в XIX веке, а умер, когда ему исполнилось 90 лет, прожив почти век, пережив две революции, две мировые войны, испытал и тюремное заключение, и репрессии, и увольнения с работы. В то же время, он достиг в определенном плане удивительных результатов на научном поприще. Николай Ев-

графович был профессором, доктором химических наук, возглавлял кафедру во многих химических вузах, в том числе Менделеевском. Всю свою жизнь, а особенно последние лет 25, он посвятил написанию богословских работ. Это уже последний период его жизни.

Вся биография Николая Евграфовича изложена в изданной в наши дни книге. Родился дедушка в Нижнем Новгороде. Пройдя путь молодого человека от реального училища до поступления в МГТУ имени Н.Баумана (тогда это учебное заведение называлось Императорское техническое училище), он стал атеистом. Ведь в то время было распространено много книг, направленных против Христа и христианства, а четкого религиозного воспитания, заложенного в детстве родителями, у моего дедушки не было. В семье соблюдались праздники: Пасха, Рождество, - но никто никогда Библию не читал, Священное Писание не изучал. Поэтому все это было внешне. И когда ему в руки попали некоторые атеистические труды, то он потерял веру, хотя и был человеком хороших, чистых корней.

Дедушка не стал путником, который, путешествуя, легко идет по жизни, а наоборот, действовал согласно тем убеждениям, которые были в его сердце. Поэтому, когда началась Первая мировая война, он оставил Императорское высшее училище и пошел юнкером-добровольцем на фронт, где дослужился до поручика. И уже в звании поручика его застала революция. После этого Николай Евграфович, как и многие, оставил ряды армии и уехал в Нижний Новгород, где вступил в ряды коммунистической партии и работал в различных системах, в частности, в ЧК, на разных должностях.

- Как произошел поворот в мировоззрении Николая Евграфовича?

- Это случилось, когда он занимал пост военного комиссара Приуральского военного округа. Это было уже в конце гражданской войны. И однажды ночью, 3 марта, он увидел во сне видение - ему явился Христос. Он совершенно не понял, откуда у него, комиссара, который сражается против белой армии и Колчака (а в то время все кругом было залито кровью, грязью), вдруг взялось такое чистое, ясное видение. Почему Христос? Почему Он идет к нему навстречу и смотрит на него? И дед говорил: "Этот взгляд Христа перевернул всю мою душу". Что с ним тогда стало, он не помнил. "Я проснулся, - вспоминает Николай Евграфович, - и чувствую: что-то произошло в моей жизни. Что - не знаю".

Жизнь продолжалась. Дедушка и дальше служил в армии, но тут случился какой-то личный надлом, трещина в личной жизни - ушла его первая жена, которая сражалась с ним на фронтах Первой мировой войны. И он уезжает в Москву, уходит из армии и, по-видимому, под влиянием этого сна и связанных с ним событий, выходит из партии. Он понимает, что в партии он больше не может оставаться. И затем, некоторое время проведя в столице, он встречается с удивительным человеком - Владимиром Марцинковским, который организовал в Москве Христианский студенческий кружок. И вот однажды осенью дедушка зашел в политехнический музей и услышал лекцию о Христе. И с этого момента, вспоминает дедушка, он с Евангелием не расставался. В его жизни произошел поворот полностью к христианству.

А дальше уже Господь Сам его вел по этой жизни. Он встретил мою бабушку, Зою Вениаминовну, студентку ПТУ. Они поженились, появились на свет дети, среди них и моя

мама, Наталья Николаевна. Вместе они прошли очень трудную, непростую жизнь. В 20-30-е годы были репрессированы, чудом остались живы. Бабушка сидела в тюрьме, дедушка тоже был арестован, потом освобожден. Но все-таки его научные труды по химии были блестящи. И, занимая ведущие посты, он волей-неволей был втянут в политическую борьбу того времени. Но дед проявил твердость характера, мужество и не выступил против тех, кого тогда безвинно приговаривали к репрессиям. За это он был отовсюду уволен, и перед самой Второй мировой войной, в 40-м году, остался фактически без работы. А тут уж началась война. И так как кадров осталось мало, его чудом не арестовали и не расстреляли - видимо, только война помешала этому. Он каждый день ждал ареста! Сегодня, завтра, послезавтра... Потому что все были под угрозой. А, тем более, он, поскольку не подписывал никаких доносов и не выступал против тех, кого считали "врагом народа".

Вот таким образом война сбила все планы, Николай Евграфович был опять вызван на научную работу, возглавил ряд направлений, в том числе и военное направление по кафедре химии. И я, рожденный уже после войны, застал его профессором, доктором наук, награжденным орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, многими другими правительственными наградами и занимающим очень высокие посты в научных академиях и лабораториях, связанных с химическим производством.

- Дедушка рассказывал Вам о репрессиях? Не замалчивалось ли это в семье?

- Вы знаете, ребенку особо-то не расскажешь. Когда уже можно было, это рассказывали. Я вспоминаю те времена, примерно 50-е годы, когда началась хрущевская "оттепель" и из лагерей возвращались люди, которые отсидели в 30-е годы, затем были арестованы вторично после войны, получили еще срок, и вот они как раз в 55-57-м годах были освобождены. Многие из них приходили в нашу семью, поскольку она была известна в московских религиозных кругах. Дедушка в свое время был прихожанином храма, где служил отец Сергей Мечев, который был сыном отца Алексия Мечева, московского старца, ныне канонизированного, и даже одно время являлся старостой этого храма. Храм был закрыт, все "мечевцы" сосланы, разрознены и истреблены, но дедушкина семья сохранилась. Люди знали нашу благочестивую семью, где даже тайно совершались литургии, и приходили к нам. Приходила масса людей - оборванных, грязных, голодных, без единого зуба (все были выбиты на пытках и допросах)... Потом эти люди стали крупнейшими деятелями советской науки - докторами, заслуженными работниками наук, профессорами различных направлений, начиная от искусства и заканчивая математикой. Они рассказывали о репрессиях, о сталинских лагерях, еще задолго до того, как вышел "Архипелаг ГУЛаг" Солженицына. От нас все это не скрывалось. До конца понять, конечно, всю трагедию нашего народа было трудно, потому что страдали буквально все народы, начиная с западных областей и заканчивая восточными, от Крыма и до Севера. Практически ни одна семья не осталась неохваченной репрессиями.

И вот, уже в те годы дедушка начал деятельность по распространению литературы. На свои средства, ни у кого ничего не беря, он полностью весь свой доход - зарплату, премии - тратил на распространение духовной литературы. Перепечатывал святых отцов, сам

издавал невыдуманные рассказы о странствиях людей по лагерям и весям, причем все это старался преподнести без политической окраски. И Господь помогал ему. Его деятельность по распространению духовной литературы простиралась из Москвы до самых окраин. Возили литературу и на Дальний Восток, и на Кавказ, в Грозный. Там была женщина, которая рассылала книги по всем республикам: и в Грузию, и в Армению, и в Азербайджан. Были "точки" и на севере - в Эстонии, Петербурге - и в других регионах. Но дедушка был центром, поэтому к нам сходилась все. Приезжали и люди, которые стали теперь уже известными архипастырями.

- Какая редкая возможность: быть знакомым с детства со многими замечательными христианскими деятелями!

- Милостью Божьей! С детства, лет с 10-12, я уже хорошо помнил тех, кто к нам приходил. Во-первых, это были люди, связанные с церковной жизнью: покойный ныне митрополит Питирим (Нечаев), многие профессора Московской духовной академии, люди, связанные с кружком мечевской общины, покойный профессор отец Глеб Каледа, который основал наш Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ПСТГУ) и многие-многие другие. Сейчас невозможно всех вспомнить: это десятки имен. Но именно они, приходя в ту пору к нам в дом, приносили свет христианской истины, любви и мира. И ни от одного из репрессированных я не услышал в то время жалоб на свою судьбу, хулы на советскую власть или чего-то подобного! Изуродованные, с искалеченными жизнями, они благодарили Бога за все, что Он им посылал!

О почитании новомучеников

- Отец Николай, как вы думаете, почему опыт новомучеников и вообще обращение к наследию новомучеников так мало востребованы сегодня в нашей Церкви? Так, почитание блаженных и юродивых, например, блаженной Матроны, гораздо более популярно. Толпы людей часами стоят в очереди, чтобы поклониться ее мощам. А в то же время в Сретенском монастыре у мощей священномученика Илариона (Троицкого) совершенно пусто.

- Мне кажется, здесь вопрос в том, что блаженная Матрона жила в сердцевине людской массы. И люди уже при жизни к ней ходили, знали ее. Действительно, это святая, которая отвечает на людские требования, живя их заботами и в этой жизни, и в будущей.

- Но почему не востребованы новомученики?

- Дело в том, что многие даже не знают о них. Представьте, что даже студенты, поступающие в ПСТГУ, об этом не осведомлены. Я спрашиваю абитуриента: "Где находится гробница святейшего патриарха Тихона?" Даже этого не знают! Что уж говорить о владыке Иларионе (Троицком) или других новомучениках. Недавно был случай - спрашиваю абитуриентов из Симферополя: "Владыку Луку знаете?" "Знаем", - отвечают. Ну, слава Богу! Этот свой, своего-то знают. Это любимый святой. А поступающие из других регионов даже не подозревают о существовании такого святого. Но как можно молиться тем, которых не зна-

ешь? Кроме того, подвиг новомучеников, в основном, был незримый: их тайно расстреливали и безвестно хоронили. Поэтому их чаще всего чтят поместно.

- В таком случае, как вы считаете, нужно ли что-то делать Церкви для того, чтобы обращать внимание людей на жизнь и деяния современных святых?

- Наша Церковь это делает. Во-первых, есть дни почитания российских новомучеников. Особенно тот день, когда на Бутовском полигоне вместе со Святейшим Патриархом собираются и московские, и подмосковные батюшки, и приезжие из других регионов. Это и отдельные праздники, посвященные новомученикам и исповедникам российским. Вот, кстати, я недавно вернулся из Китая. Там тоже есть мученики. Но сами люди в Китае очень жестко относятся к религиозным убеждениям, особенно к православному, и не терпят, чтобы кого-то из китайцев называли святым. Когда мы представили икону новомучеников китайских, они несколько раз ее убрали, не хотели ее видеть. Я спросил: "Это ведь ваши святые, родные, почему такое отношение?" И получил ответ: "В Китае нет и не может быть святых". А у нас есть святые, но люди просто не знают их. Это, видимо, задача для следующих поколений.

Об испытаниях дня сегодняшнего

- Отец Николай, после вашего рассказа о 50-х годах, о деятельности Николая Евграфовича, хочется задать вопрос: когда было большее внутреннее горение духа - в те времена или сейчас?

- Трудно ответить за всех, я могу только сказать с точки зрения пастыря сегодняшнего дня. Как к священнику, ко мне на исповедь приходят люди и открывают свое сердце, и я вижу, что Господь всегда - и тогда, и сегодня - ведет тех, кто к Нему обращается. Но более горения, я думаю, было тогда. Потому что в те времена это было связано с моментом некоего преодоления себя и испытаниями через репрессии и преследования. Если обнаруживалось, что ты христианин, что ходишь в церковь или исполняешь какие-то религиозные обряды, то тебя просто выгоняли с работы, как это случилось с Николаем Евграфовичем. Когда ему исполнилось 70 лет, его вызвали в институт, где он вел свою основную научную деятельность, и сказали: "Николай Евграфович, студенты вас видели в церкви. Как вы на это отреагируете?" На что он им ответил: "Я не скрываю, я всю жизнь ходил в церковь. Я верующий человек". "В таком случае, - ответили ему, - Ваш образ жизни не совместим с образом советского педагога". А до этого он 50 лет был совместим! "Ну что ж, - сказал дедушка, - вам решать". И его просто приказом, единственным росчерком пера, без всяких благодарностей уволили с работы "на пенсию". И он говорил: "Я за этот день всегда благодарю Бога, потому что Господь мне продлил несколько десятков лет жизни, чтобы я мог заняться богословскими трудами". Уйдя с научной работы, он полностью посвятил себя написанию диссертации "Пути к совершенной радости или опыт построения христианского мирозерцания", которая сегодня выходит немножко под другим названием.

- То есть, таким образом, промыслительно зло обращается к благим последствиям.
А как вы относитесь к тому, что сейчас коммунисты заявляют себя такими горячими сторонниками и защитниками православия?

- Это просто карикатура. Потому что если ты исповедуешь коммунистические идеалы, то должен знать, что в основе их лежит непризнание Бога. Поэтому как ты можешь поддерживать Церковь, не признавая Того, Кому в Церкви служат?

- **В Украине, например, даже некоторые священнослужители пытались пройти на выборы в парламент или местные органы самоуправления по спискам коммунистической партии.**

- В ответ приведу случай из своей жизни. В брежневский период, когда сняли Хрущева, мне было лет 17, и один близкий человек, женщина, мне сказала такую фразу: "Знаешь, Коленька, если бы коммунисты не гнали Церковь, я бы, наверное, была первой коммунисткой". Потому что идеалы правильные - свобода, равенство, братство и счастье народов. Но за этим стоит стяжание материальных благ. Если за этими идеалами есть еще вера в промысел Божий, в будущую жизнь, признание Христа как Спасителя и Господа, вера в Евангелие, это одно. Если это отвергается, гонится, то тогда получается все наоборот.

- **Но если это есть, то это уже не коммунизм, а христианская демократия.**

- Совершенно верно.

Современное церковное пение

- **Отец Николай, вы служите в храме святителя Николая в Толмачах, что при Третьяковской Галерее, и молитесь перед Владимирской иконой Божией Матери. Наверняка в ваш храм приходит творческая интеллигенция. Кроме того, у вас консерваторское образование, а в вашем храме, насколько я знаю, поет замечательный хор. Как бы вы оценили состояние церковного искусства и пения? На что следовало бы обратить внимание в храмах?**

- Я буду говорить только о Москве, где служу. Сегодня в наших храмах очень много разноплановости. В некоторых из них волей настоятеля или старосты, например, придерживаются очень жестких рамок: не дают средства на хор, ограничиваются двумя-тремя певцами, где-то вообще любят только знаменное пение, где-то полностью гасят свет и служат в полной темноте. Это, собственно говоря, личное отношение. А есть ряд храмов, которые соблюдают традиции синодального периода. Ведь синодальный период Русской Православной Церкви вбирает в себя очень много удивительных творческих подъемов и открытий, которые произошли, скажем, в сфере литургики. Это, например, написание литургии П.Чайковского, всенощной С.Рахманинова. В этот период сокровищницу церковного пения пополняет творчество таких композиторов, как П.Турчанинов, А.Львов. Этой же традиции придерживается и хор нашего храма.

Мне хочется пожелать, чтобы сегодняшнее церковное пение было, прежде всего, молитвенным и понятным людям, независимо от того, какой традиции придерживается хор.

Вот что печально: бывает так, что при пении большого хорошего хора слов просто не разберешь. Непонятно, о чем же поют! Красивая мелодия, красивая гармония, но нецерковному человеку очень долго придется вслушиваться в пение, чтобы хоть что-нибудь понять. Впадают и в другую крайность, когда в храмах все вычитывается, все выпевается, но скороговоркой: главное, чтобы все было сделано. Это тоже нехорошо, ничего не понятно: кто читает, что читает? В ряде храмов практикуется только знаменное пение, и случается, что в песнопении "Иже херувимы" только начальное "и" поют минут пять.

Я как-то зашел в один из московских храмов и почувствовал, что нахожусь будто на Афоне. Там всё пели по-гречески. Я понимал, какая часть богослужения совершается, но не понимал слов. И тогда я понял, что человек, который впервые приходит в наши храмы, где читают и поют по-церковнославянски, но так, что слов не разберешь, чувствует примерно то же самое. Только он еще не знает и структуры службы! Поэтому сегодня, прежде всего, нужна катехизация населения, катехизация в самом широком плане, в том числе издание богослужебных текстов для народа. Хорошим примером в этом плане является опыт католических и протестантских общин. При входе в храм можно получить текст богослужения и записку с информацией о том, какие сегодня будут исполняться псалмы на тех или иных службах. Во время службы открываешь текст, и знаешь, что поется сейчас и что будет дальше. Это очень хорошая традиция. У нас в храмах это пока не прижилось. В некоторых храмах раздают, в частности, тексты молитвенных пений. Это очень приятно! Люди могут, видя текст молебна, молиться вместе с хором. Еще хотелось бы пожелать правильного подхода и молитвенного настроения. Потому что вся музыка, исполняемая хором в храме, - это молитва.

Духовник олимпийской сборной

- У Вас есть и необычное служение: вы - духовник олимпийской сборной Российской Федерации, сопровождали сборную на последней Олимпиаде в Китае. Вы уже коснулись вопроса о ситуации с религией в Китае. Вы были единственным священником среди олимпийцев, или с командами других стран тоже приезжали священнослужители?

- Спасибо за вопрос. Если мы говорим о священниках православных, то их не было. По крайней мере, я их не видел.

- А христианские вообще?

- Были католические священники. По статусу олимпийской деревни полагается, чтобы игры сопровождалось духовным окормлением. Для этого в олимпийской деревне оборудуется часовня, где должны быть представлены основные христианские и вообще религиозные конфессии. В частности, в Пекине было представлено несколько христианских конфессий. Православных, к сожалению, представлял я один. Ни греки, ни сербы, ни болгары, ни румыны, ни грузины не включили в состав своих делегаций ни одного священника, хотя на Олимпийских играх 2004 года в Афинах было 15 священников, 2 архимандрита, епископ и митрополит. В Китае, к сожалению, я был один. Потом ко мне присоединился отец Дионисий, наш православный батюшка из Гонконга.

- Отец Дионисий Поздняев?

- Да, Поздняев, совершенно верно. Мы вместе совершали богослужения, молились. Были еще католический священник, притом китаец, и протестантский батюшка, кажется, из Германии. Затем, были представлены иудеи и мусульмане - я видел раввина и муллу. И, конечно же, буддисты -несколько монахов.

- В чем заключалось духовное окормление православных участников Олимпиады?

- Прежде всего, в молитве за сборную. Молиться о ней мы начали еще в Москве. Каждое утро в олимпийской деревне мы совершали молебен для тех спортсменов, которые могли прийти. Хотя чаще приходили не спортсмены, а тренеры.

- Эти молебны были популярны?

- О них было известно, но народа приходило мало, так как во время Олимпиады у всех очень жесткий распорядок дня. Олимпийская деревня открывалась в восемь утра, а мы начинали молебны в половине девятого. Могли прийти только те, кто не был задействован в тренировках или соревнованиях. Чаще всего приходил кто-то один и проносил кипу записок от своих товарищей по сборной. Помимо ежедневных молебнов, один раз, милостью Божьей, мы с отцом Дионисием отслужили литургию, за которой причащались представители олимпийского комитета. Но в основном люди приходили в часовню на протяжении дня: поставить свечи, подать записки.

Один раз по просьбе и благословению Святейшего Патриарха Алексия мы отслужили панихиду о всех, погибших в ходе российско-грузинской войны. И после панихиды ко мне подходили за благословением даже грузинские спортсмены.

- Отец Николай, как, на ваш взгляд, соотносятся Олимпийские игры - соперничество, состязание - с христианским мировоззрением? Ведь в православной среде на сей счет есть разные мнения. Известно, что отец Александр Шмеман очень любил Олимпийские игры. Апостол Павел ставил в пример христианам античных атлетов, бегущих на ристалище, среди которых один получает награду. Другие более ригористично подходят к этому. А как бы сказали вы, как непосредственный свидетель?

- Я лично беседовал со спортсменами, в частности с несколькими людьми, получившими золотые медали. Как правило, люди видят в спортивных достижениях и в своих медалях не свою заслугу. Это очень правильно! Они видят заслугу тех, кто их воспитал, заслугу многих тысяч людей, которые за них болеют и молятся, и просто промысел Божий в своей жизни. Все прекрасно понимают, что быть всю жизнь спортсменом невозможно. Это маленький отрезок жизни, в течение которого ты полностью отдаешь всего себя этому служению. За последние игры я не встретил ни одного обратившегося ко мне спортсмена, который был бы равнодушен к религии и Богу. У всех них есть вера. И поэтому отношение к играм как таковым, я считаю, должно быть самым добрым и положительным с точки зрения христианской этики и духовной жизни. Ведь игры призывают к миру. И вот, в момент, когда началась война (*в Грузии - ред.*), возник вопрос: прерывать ли игры? Потому что если грузины уедут с игр, то соревнования уже будут неполноценными.

- Не вставал ли вопрос об исключении российской сборной из списка команд-участниц Олимпиады?

- Вставал. Если бы грузины уехали, могла вообще разрушиться вся олимпийская структура. Но, милостью Божьей, этого не случилось. Спортсмены - люди здравомыслящие, нашли в себе силы и до конца игр остались единой олимпийской семьей. И грузинская команда получила неплохие результаты - завоевали две золотых медали. И мы, милостью Божьей, вышли на третье место. Олимпийские игры показывают, на что способен человек в своей жизни. Ведь мы с грехопадением утратили многое из того, что было дано первым людям. А спортивная жизнь подчас открывает те горизонты, которые, может быть, были доступны первому безгрешному человеку, показывает, что ему было все подвластно, как говорил святой Серафим Саровский. Сегодня мы видим в играх проявление доброй воли народов, добрых чувств и искренней веры христианина. Я спрашивал у некоторых спортсменов: "Как ты пришел к Олимпийским играм?" И вот один, я сейчас не могу назвать его, пусть он сам назовет свое имя, но скажу, что его вид спорта - прыжки в высоту (*легкоатлет Андрей Сильнов - ред.*), ответил мне: "Перед тем как ехать на соревнования, мама меня перекрестила и сказала: "Пойди, причастись"". И он пришел в свой храм, причастился святых Христовых тайн. И вот, вы видите удивительный результат - победа, золото. Подобные истории и у других ребят. Вот результат игр.

Однако есть здесь и то, что противоречит духовной жизни. Да, если мы будем всю жизнь только прыгать и бегать, не думая о последствиях, то хорошего в этом ничего нет. Но если то, что мы сделали, не станем приписывать себе, не возгордимся, а наоборот, все средства, которые получим, пустим на добрые дела, то это поступок христианина. Один спортсмен спросил: "Могу ли я полученные средства пожертвовать на церковь?" Конечно! Разве это плохо? Слава Богу!

- Удалось ли вам посмотреть немного за пределы олимпийских событий, увидеть сам Китай как таковой? И если да, то как бы вы оценили его миссионерский потенциал? Не слишком ли часто отец Андрей Кураев говорит о необходимости срочно изучать китайский язык?

- Да, милостью Божьей, удалось посмотреть. И потенциал в этой стране есть. При всех жесткостях в отношении к религии у китайцев очень большой интерес к религиозной жизни. Это люди, которые сегодня лишены полноценной духовной жизни. Запрещено ходить в храм! Одним из достижений этой Олимпиады было то великое событие, что впервые за пятьдесят лет разрешили отслужить православную Божественную литургию в центре Пекина. Для этого нам выделили католический собор, Святейший Патриарх дал антиминос, и мы служили в центре Пекина литургию. И все, кто пришел сюда, были очень рады. Но была одна неприятность: ни одного китайца на литургию не пустили. Все китайцы остались за кордонами своего рода дружинников. Если кто-то из них хотел войти в храм, его останавливали: "Вам сегодня не сюда". Вот так! Поэтому необходимо поддержать религиозный порыв в сердцах людей, которые стремятся к истине и добру. Многие в эти дни впервые увидели священника и богослужение. Мы служили молебны открыто, но люди боялись зайти. И ко-

нечно, если есть возможность изучать китайский язык, это нужно делать. В Китае очень сложная политическая ситуация и непростая религиозная, уже пятьдесят лет там нет православной жизни. Там есть Католическая Церковь, официальная, которая как бы признана китайскими властями. Есть немножко протестантов. Совершенно свободно себя чувствуют буддисты.

- Можно уточнить: запрещали ходить только в православную или в католическую церковь тоже?

- Только в православную. В католическую не запрещали. Боялись православного влияния. А Католическая Церковь имеет два действующих собора в центре Пекина.

- Чем обоснована такая боязнь православного влияния?

- Официально считается, что в Китае покончено с русским православием. Поставлена точка. И власти боятся его возрождения. Сейчас с большим трудом удается добиться разрешения на открытие православного храма при посольстве: там есть наша бывшая церковь, которая сегодня реставрируется. Китай нуждается в миссионерстве. Но миссионерство в этой стране сопряжено с возможностью пострадать за веру, в полном смысле слова. Если открывается, что ты миссионер, то тебя в лучшем случае выдворяют за пределы Китая. Если ты при этом китайский гражданин, то тебе грозит перевоспитание в лагерях. Мне рассказывали о таких случаях, которые были уже в наши дни.

- Таким образом, наш разговор, начавшись с советских лагерей, совершил круг, и мы подошли к лагерям китайским. Отец Николай, что бы вы посоветовали сегодняшним читателям этого интервью, которые живут в странах, где сейчас не сажают за веру во Христа или миссионерство, чтобы обрести настоящую, подлинную свободу духа, которую, как бы это ни было поразительно, но многие обретали в советские годы именно в лагерях?

- Во-первых, всегда помнить, что Господь с нами. Как сказано: "Я с вами во все дни до скончания века". И во всем видеть промысел Божий. Ведь не случайно мы находимся здесь, а наши предки своей кровью завоевали нам возможность сегодня жить невозбранно, исповедовать Христа-Спасителя, почитать святых угодников, Божью Матерь. И мы часто забываем, какое мы имеем великое счастье! И конечно, усилить молитвы.

Беседовал священник Андрей Дудченко

[Православие в Украине](http://kiev-orthodox.org:80/site/meetings/1926/)

<http://kiev-orthodox.org:80/site/meetings/1926/>